

Г.П. Ермолович

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Геннадий Павлович Ермолович – профессор кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный профессор ГУАП, г. Санкт-Петербург.
✉ ermspb@list.ru

Аннотация. В статье анализируются теоретические подходы к определению международно-правовой ответственности как к отрасли или как к институту международного права. Обосновывается неправомерное применение такого критерия как предмет и метод правового регулирования для выделения отраслей в международном праве и предлагается использовать для этой цели объект правового регулирования. Обращается внимание, что использование понятия «международно-правовой ответственности как межотраслевого института» не совсем точно, т.к. из четырех институтов в данной отрасли таким качеством обладает только один – институт ответственности индивида.

Ключевые слова: международно-правовая ответственность; объект правового регулирования; институт ответственности индивида; институт ответственности международных межгосударственных организаций; институт ответственности государств за противоправную деятельность; институт ответственности государств за правомерную деятельность, повлекшее причинение вреда; субъект международного права, субъект международных отношений.

G.P. Ermolovich

LIABILITY IN INTERNATIONAL LAW: THEORETICAL ASPECTS

Gennady Ermolovich – Professor, the Department of Public Law, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg. ✉ ermspb@list.ru

Annotation. We analyze theoretical approaches to determining international legal liability for a branch or the international law institution. We substantiate the illegitimate use of such criterion as the subject and method of legal regulation in distinguishing the branches of international law and suggest using the concept of legal regulation subject for this purpose. The attention is focused on the fact that use of the concept of international legal liability as an inter-branch institution is not fully precise since only one institution of the four (individual's liability) possesses the characteristic in question.

Keywords: international legal liability; legal regulation subject; individual's liability institution; institution of liability of international interstate organizations; institution of state liability for illegal activity; institution of state liability for lawful activity; entailing harm; subject of international law; subject of international relations.

Проблема реализации международно-правовой ответственности – это одна из трудноразрешимых и «застарелых» проблем международного права, которая свя-

зана не только с практическими, но и с теоретическими вопросами.

Известно, что международное право призвано регулировать отношения субъек-

тов на международной арене и функционирует в рамках конкретной системы, элементы которой хорошо известны, прошли апробацию в научных источниках, но тем не менее вызывают дискуссии среди юристов-международников. Например, содержательное наполнение данных элементов внутри этой системы до настоящего времени вызывает обоснованные сомнения и требует более детального обсуждения. В данной статье мы попытаемся продолжить эту дискуссию.

Согласно доктрине, система международного права включает в себя такие элементы, как нормы, принципы, институты, подотрасли и отрасли международного права. Казалось бы, стандартные компоненты, которые встречаются во всех учебных и научных изданиях по международному праву, но тем не менее иногда смешивающиеся с элементами из другой системы – международной или межгосударственной. Это приводит к путанице в получении точного представления о системе международного права. Так, в учебном пособии «Понятие и система международного права», изданном в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского в 2013 г., отмечается, что «в рамках данной системы создана универсальная организация – ООН» [9, с. 53]. Полагаю, что включать ООН в качестве участника международных отношений и вторичного (производного) субъекта международного права именно в систему международного права ошибочно. На наш взгляд, государствам, международным организациям и другим участникам международных отношений более «комфортно» находится в рамках другой системы, а именно, международной. В рамках данной системы, которая может именоваться как межгосударственная, и была создана ООН, где она и функционирует до настоящего времени как вторичный (производный) субъект международного права. Однако

подмена или путаница элементов из разных систем не является непреодолимым препятствием в теоретическом плане. В рамках данной статьи доктринальный интерес представляет такое понятие, как «международно-правовая ответственность» – один из важнейших элементов системы международного права.

Само определение данной юридической категории не вызывает сомнения, и его понимание достаточно традиционно – «это юридические последствия, наступающие для субъекта международного права, нарушившего действующие нормы международного права или свои международные обязательства»¹ [14, с. 100].

Созвучно с данной формулировкой и другое определение международно-правовой ответственности: «...как юридические последствия международно-противоправного деяния, юридическое средство обеспечения соблюдения норм международного права и восстановления нарушенных прав и отношений» [5, с. 140].

Отдельная группа отечественных исследователей, в данном определении акцентируют внимание на *обязанности* субъекта международного права «...возместить или ликвидировать вред, причиненный им другому субъекту международного права...»².

Однако на этом совпадения заканчиваются, ибо авторы разошлись по принципиальному вопросу, следует ли рассматривать международно-правовую ответственность как отрасль международного права или как институт международного права в рамках системы международного права?

Понятно, что этот вопрос вызывает определенную сложность в доктрине международного права, и, поскольку существуют неоднозначные подходы в теории международного права, в некоторых учебниках эта дефиниция вообще не рассматривается и ее «обходят» стороной³ [3], а в других учебных изданиях эта проблема

¹ Международное публичное право / под ред. К.А. Бекяшева. М., 1998. С. 586.

² Международное право / под ред. Г.В. Игнатенко. М., 1995. С. 152.

Международное право / отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М., 2003. С. 187.

Международное право / отв. ред. В.И. Кузнецов, Б.Р. Тузмухамедов. М., 2007. С. 353.

Международное право / под ред. А.Н. Вылегжанина. М., 2010. С. 492.

³ Международное право / Витцтум В.Г. [и др.]; пер. с нем., М., 2015. 1072 с.

рассматривается самой последней, и данной темой заканчивается курс изучения международного права⁴. Словарь международного права, подготовленный авторитетными юристами-международниками, называет виды и формы международно-правовой ответственности, но не определяет однозначно, о чем идет речь: об институте или отрасли международного права⁵.

Отдельные отечественные юристы-международники, например, проф. П.И. Бирюков, первоначально рассматривал международно-правовую ответственность как правовой институт [1], но в дальнейшем кардинально изменил свою точку зрения и в одном из последних своих учебных изданий повел речь уже об отдельной самостоятельной отрасли международного права [2].

Если представить некоторый спектр мнений по данному вопросу, то как отрасль международного права международно-правовую ответственность рассматривают отечественные исследователи: И.И. Лукашук, В.М. Шумилов, К.Л. Сазонова и др.

К институту международного права склоняются такие ученые как, А.Н. Вылегжанин, В.И. Кузнецов, Г.И. Тункин, Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова, Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов, И.В. Гетьман-Павлова, К.А. Бекашев, Н.Н. Федощева и др.

Попытаемся проанализировать данный вопрос с точки зрения доктринального осмысления и теории международного права. Известно, что такие критерии, как предмет и метод правового регулирования широко применяются в отечественном праве для выделения отраслей национального права⁶, однако международное право не относится в внутригосударственной системе права. Попытки применить эти критерии к международному праву, полагаю, не позволят решить задачу, связанную с выделением отраслей в международном праве.

Известно, что предметом правового регулирования должна быть качественно однородная группа общественных отношений. На международной арене – это международные отношения. Эти отношения представляют собой системные связи, складывающиеся в глобальном плане между субъектами международного права, которые самостоятельно определяют сферы своей деятельности и исходят из собственных интересов, но с учетом взаимной выгоды. Поскольку все акторы по своим признакам относятся к субъектам международного права, то между ними складываются однородные отношения, в которых субъекты руководствуются нормами международного права из разных отраслей международного права, но по содержанию правового воздействия они имеют единый и общий предмет правового регулирования – международные отношения.

Если применять метод правового регулирования для выделения отраслей в международном праве, то нужно учитывать несколько факторов. Во-первых, каким образом устанавливаются субъективные права и закрепляются юридические обязанности? Во-вторых, степень их конкретизации и определенности? В-третьих, какие пути или средства применяются для обеспечения субъективных прав и юридических обязанностей? Ответ на эти вопросы кроется в действиях самих субъектов международного права, которые согласовывают свою позицию формулируя права и обязанности сторон. Они же путем компромисса находят наилучшее выражение их воли и закрепляют это в международном договоре. Наконец, субъекты сами должны обеспечивать соблюдение их прав и международных обязательств. Известно, что метод правового регулирования может выражаться разными путями, но общеизвестные методы воздействия норм права (императивный и диспозитивный) на общественные отношения в данном случае не

⁴ Международное публичное право / под ред. К.А. Бекашева. М., 1998. 608 с.

⁵ Словарь международного права. М., 2014. 495 с.

⁶ Общая теория права: курс лекций / под ред. проф. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. 544 с.

Теория государства и права / под ред. Г.Г. Бернадского. СПб., 2020. 753 с.

применимы по причине *добровольного* соблюдения международных норм самими субъектами международного права.

Такой подход разделяет проф. Е.В. Сафронова, которая высказывается о неприемлемости данных критериев (предмет и метод правового регулирования) для выделения отраслей в международном праве, поскольку у них «общий предмет – межгосударственные отношения властного характера и единый метод – согласования воле государств» [12, с. 59].

Таким образом видно, что дискуссии о критериях выделения отраслей в международном праве продолжаются в научной среде до настоящего времени, и не всегда предлагаемое решение бесспорно. Так, например, в коллективной монографии «Отраслевое деление международного права: традиционные и новые подходы» много говорится о современных процессах, связанных с мировой глобализацией и появлением тех проблем, которые надо разрешать и урегулировать с помощью норм международного права. Это служит своеобразным «катализатором» появления новых отраслей международного права. Однако, думается, что причина появления новых отраслей и критерии деления отраслей в международном праве — это не взаимозаменяемые понятия. Поэтому высказанное предложение использования в качестве критерия выделения отраслей «их признание на уровне международного сообщества и правовое закрепление»⁷, полагаю, весьма сомнительно.

Попытаемся ответить на вопрос, может ли объект правового регулирования, т.е. то, по поводу чего субъекты вступают между собой в международные отношения, быть критерием выделения отраслей в международном праве? Например, космическое пространство в международном космическом праве; морское пространство в международном морском праве; воздушное пространство в международном воздушном праве и т.д. Если согласиться, что международно-правовая ответственность –

это отрасль международного права, то какой же будет здесь объект правового регулирования? Не представляю, что в качестве объекта для данной отрасли может быть что-то из окружающего нас материального мира. Полагаю, что в данном качестве может выступать правомерное или неправомерное поведение как субъектов международного права, так и субъектов международных отношений на международной арене (о теоретической разнице в субъектном составе речь пойдет ниже).

Иногда в отрасли можно выделить подотрасли, т.е. обособленную объединенную группу норм, регулирующих отдельную узкую сферу международных отношений, но, думаю, что в данной отрасли – это сделать невозможно, хотя не исключено, что могут быть и другие точки зрения, и этот вопрос еще найдет свое отражение в научных публикациях.

Можно констатировать наличие ряда институтов в отдельной отрасли в том случае если определяется группа связанных между собою норм, регулирующие качественно однородные международные отношения. Например, институт ответственности за противоправную деятельность и институт ответственности за правомерную деятельность, повлекшие причинение вреда. Данные институты проф. В.М. Шумилов рассматривает как две подотрасли международного права в разделе международно-правовой ответственности, как самостоятельной отрасли международного права [15; 16], не проводя различие между институтом и подотраслью.

Нам видится, что в качестве субъектов, использующих данные институты, выступают государства, но это заведомо очень узкий подход, так как из многогранной схемы международных правоотношений «выпадает» международно-правовая ответственность индивидов.

Закономерен вопрос, является ли индивид субъектом международного права? Дискуссия об этом имеет длинную историю и неоднократно шла в научной лите-

⁷ Отраслевое деление международного права: традиционные и новые подходы: колл. монография /

под ред. А.А. Дорской, З.Ш. Матчановой. СПб., 2018. С. 27.

ратуре. В отечественной науке сложились две противоположные точки зрения, которые можно свести к тому, что индивид или является субъектом международного права или нет [8; 10].

Полагаю, что индивид обладает определенным объемом правосубъектности, но поскольку у разных акторов международного права она разная, то говорить о «полной» правосубъектности индивида все же не приходится [4]. Полной правосубъектностью обладает только первичный и основной субъект международного права – государство, и оно же является субъектом международных отношений. Однако не каждый субъект международных отношений является «полноценным» субъектом международного права. Вот к такому участнику, думается, и можно отнести индивида. Индивид как субъект международных отношений играет на международной арене двоякую роль. С одной стороны, индивид имеет возможность защищать свои интересы на международной арене, используя нормы международного права, а с другой стороны, индивид может отвечать за свои противоправные действия, будучи привлеченным к международной уголовной ответственности. Таким образом, как субъект международных отношений индивид вправе «претендовать» на отдельный институт в международном праве и следует подумать о расширении институтов данной отрасли.

В таком же ключе высказывается проф. К.Л. Сазонова, которая в отрасли международного права выделяет три института – институт международной ответственности индивида, институт ответственности международных организаций⁸ [6] и институт международной ответственности государств [11]. Принимая во внимание, что при определенных условиях ответственность на государства возлагается как за правомерное, так и за неправомерное поведение, можно заключить, что в международно-правовой ответственности

как отрасли международного права имеются следующие правовые институты:

- институт ответственности индивида;
- институт ответственности международных межгосударственных организаций;
- институт ответственности государств за противоправную деятельность;
- институт ответственности государств за правомерную деятельность, повлекшую причинение вреда.

Возникает вопрос, все ли институты обладают одинаковыми качествами и в состоянии объединять группы норм из разных отраслей и обладать таким свойством, как «междисциплинарность»? Думается, что эти свойства присущи только одному – институту ответственности индивида, который присутствует не только в международном праве, но и в ряде отраслей национального права Российской Федерации: уголовного, административного, финансового и др., поэтому именно его и можно отнести к межотраслевому институту. Остается заключить, что остальные три функционируют только в рамках одной отрасли – международного права.

Таким образом, если использовать институт ответственности как межотраслевой институт, то следует уточнить, что из имеющихся четырех институтов таким качеством обладает также только один – институт ответственности индивида. Данный институт действует как в рамках отрасли международного права, так и в некоторых других отраслях национального права, а в качестве критерия выделения отраслей в международном праве вполне может выступать объект правового регулирования, который будет самостоятелен для каждой отрасли.

Переходя от теории к практике, следует отметить, что ответственность государств и международных организаций достаточно многогранная тема, требующая отдельного серьезного рассмотрения, как и тема привлечения к ответственности индивида. Все варианты рассмотрения данных

⁸ Право международных организаций: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / под ред. А.Х. Абашидзе. М., 2016. 505 с.

вопросов на практике, к сожалению, не являются «чисто юридическими» и осложняются многими факторами, в том числе: политическим давлением, союзническими обязательствами, политическими пристрастиями и т.д.

Достаточно вспомнить неудавшуюся попытку с привлечением немецкого кайзера Вильгельма II, но ценность этого опыта в том, что он наглядно продемонстрировал направленность международного сообщества на привлечение физического лица к международной уголовной ответственности. Более успешными были международные военные трибуналы в Нюрнберге и Токио, но и они организовывались не без проблем не только юридического, но и политического свойства. Вновь вернулись к вопросу наказания за серьезные нарушения международного гуманитарного права, преступления геноцида и другие противоправные действия, когда Совет Безопасности ООН принимал резолюции о создании Международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде. Важным итогом дипломатической конференции в Риме явилось принятие в 1998 г. Статута Международного уголовного суда, и наконец, продолжением этого международно-правового вектора учреждения органов международной юстиции явилось создание так называемых смешанных, гибридных, специализированных или интернационализованных судов.

Известно, что международное право призвано регулировать глобальные процессы в мире. Оно должно «работать» на поддержание мирового правопорядка, но важно помнить, что право как регулятор беспомощно при отсутствии у субъектов международного права неукоснительного желания использовать его нормы и принципы по прямому назначению. Имеется в

виду, что органы международной юстиции, которые, обладают юрисдикцией в вопросах привлечения к ответственности индивидов, могут вершить правосудие и действовать беспристрастно, без оглядки на реакцию стран, чьи граждане могут оказаться на скамье подсудимых. Но это в идеале международное правосудие вне политики, а на практике, как только в 2019 г. Международный уголовный суд (МУС) попытался рассмотреть вопрос об ответственности американских военнослужащих в связи с совершением противоправных действий в Афганистане, США тут же пригрозили персональными санкциями, и такого давления судебный корпус не выдержал. МУС постепенно «свернул» все попытки провести расследование. Институт ответственности индивидов в данном случае оказался эфемерным [7].

Со временем стало понятно, что МУС, не реализуя в полной мере принципы беспристрастности и независимости, не оправдывает те ожидания, на которые рассчитывало международное сообщество [14], поэтому в нашей стране 16 ноября 2016 г. было принято политическое решение «не стать участником Римского статута МУС» на основании Распоряжения Президента РФ № 361-рп.

Россия последовательно добивается того, чтобы на международной арене все субъекты международного права ответственно относились к своим обязанностям и строили свои отношения с опорой на нормы и принципы международного права. Такое уважительное отношение к международному праву пойдет на пользу всему международному сообществу. Ведь чем прочнее будут международные отношения, тем устойчивее будет сама система международного права и наоборот...

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюков П.Н. Международное право, М., 1998. 416 с.
2. Бирюков П.Н. Международное право, М., 2018. 528 с.
3. Бекяшев К.А. Международное публичное право, М., 2020. 1048 с.
4. Вельяминов Г.М. Международное право: опыты, М., 2015. 1006 с.
5. Гетьман-Павлова И.В. Международное право, М., 2013. 709 с.
6. Гуласарян А.С. Международно-правовая имплементация норм об ответственности международных организаций: монография. М., 2015. 224 с.

7. *Ермолович Г.П.* Победы и поражения международной юстиции // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 2. С. 24–29.
8. *Игнатенко Г.В., М.А. Лихачев* Размышления о современной концепции международной правосубъектности индивида // Правоведение. 2010. № 4. С. 200–212.
9. *Мелешников А.В.* Понятие и система международного права. Н. Новгород, 2013. 55 с.
10. *Матвеева Т.Д.* Человек и международное право (к вопросу о международной правосубъектности индивида) // Российский ежегодник международного права. 2010. С. 52–67.
11. *Сазонова К.Л.* Институт ответственности государств за неправомерное применение силы: проблемы и перспективы // Российский ежегодник международного права. 2013. С. 66–80.
12. *Сафронова Е.В.* Международное публичное право: теоретические проблемы: монография. М., 2015. 133 с.
13. *Федощева Н.Н.* Международное право. М., 2010. 368 с.
14. *Шабас У.* Первые десять лет Международного уголовного суда // Международное правосудие. 2012. № 2(3). С. 5–16.
15. *Шумилов В.М.* Международное право. М., 2008. 488 с.
16. *Шумилов В.М.* Международное право. М., 2018. 528 с.